

ФИЛОЛОГИЯ*(шифр научной специальности: 10.02.19)*

УДК 81

Р.С. Ильясова*Чеченский государственный университет**г. Грозный, ЧР, Россия**redaction-el@mail.ru***РУССКИЕ ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ:
К ИСТОРИИ ВОПРОСА****[*Raisa S. Ilyasova* Russian personal pronouns: history of the issue]**

A general overview of third-person personal pronouns in the history of the Russian language is offered. In the history of the Russian language, the creation of a personal pronoun of the 3rd person was associated with the combination of the form of the nominative case of the demonstrative pronoun with the forms of indirect cases of the demonstrative pronoun. It is established that the process of creating a personal pronoun of the 3rd person was uneven and proceeded differently in various Slavic languages and their dialects. The beginning of the creation of the third person's personal pronoun in the Russian language is associated with the preliterate, and possibly all-Slavic period, which is evidenced by the commonality of the result not only in Eastern, but also in most of all Slavic languages. However, in Russian, the end of the process of creating a 3rd person pro-noun cannot be attributed to a period earlier than the 17th century. It is assumed that the formation of the third-person personal pronoun in the Russian language is associated with the evolution of the species-temporal system of the Russian verb, with the consolidation of one past tense form that has no personal endings.

Key words: Old Russian language, Old Slavonic language, written monuments, person, case, pronoun.

Русские и славянские личные местоимения еще недостаточно изучены. Особенно слабо в нашей лингвистической литературе освещен вопрос о создании и закреплении личного местоимения третьего лица. В данной статье содержатся некоторые наблюдения в связи с тем материалом, которым располагал автор. Этот материал (требующий, несомненно, расширения и более глубокого изучения) дает некоторые основания для выяснения процесса создания личного местоимения третьего лица в истории русского языка.

Известно, что древнерусский язык имел следующие личные местоимения: *язь, мы, ее, ты, вы, ва*. В современном русском языке к личным местоимениям относятся: *я, мы; ты, вы; он, она, оно, они*. Формы *ее* и *ва* постепенно

утратились в связи с общим разрушением двойственного числа. Слова *он, она, оно, они* в разряд личных местоимений перешли из разряда указательных. В истории русского языка создание личного местоимения 3-го лица было связано с объединением формы именительного падежа указательного местоимения *он* с формами косвенных падежей указательного местоимения *и*. Этот процесс хорошо отражен в памятниках русской письменности и описан в лингвистической литературе. Однако в русской лингвистической литературе нет единого мнения в отношении периода завершения процесса создания личного местоимения 3-го лица. П.Я. Черных пишет: «Первоначально в славянских языках личные местоимения были только 1-го и 2-го лица, личного местоимения 3-го лица не было. Но оно появилось очень рано, во всяком случае в эпоху до возникновения письменности у славян» [8, с. 206]. П.С. Кузнецов говорит, что слово *он* «применительно к древнерусскому языку должно быть включено в местоимения неличные» [1, с. 126]. Л.П. Якубинский указывает, что «местоимение 3-го лица, по происхождению указательное местоимение, лишь позднее включается в систему личных местоимений» [9, с. 204], и далее пишет: «В связи с тем, что личное местоимение *онъ* употреблялось в древнерусском и в значении указательного, мы встречаем довольно часто в древнерусских текстах и указательные местоимения *сь* и *тъ* не в качестве определения только, а в обособленной позиции подлежащего, причем на современный язык эти местоимения лучше всего переводятся личным местоимением 3-го лица. Указанное употребление *сь* и *тъ* свойственно и старославянскому языку; ср., например, из Остромирова евангелия: «бысть человекъ посланъ отъ бога; имя ему Иоан; ть приде въ свидетельство...» – «был человек послан от бога; имя ему – Иоан; *он* (а не тог) пришел в свидетельство...» [9, с. 205].

Памятники русской письменности показывают, во-первых, что процесс объединения формы именительного падежа местоимения *он* с формами косвенных падежей местоимения *и* (*его, ему* и т. д.) в истории русского языка не был совершенно прямолинейным, во-вторых, создание парадигмы *он-его* не говорит еще о создании личного местоимения третьего лица. В связи с этим для изучения процесса создания местоимения третьего лица в русском языке нужно рассмотреть по крайней мере три следующих вопроса: 1) общие условия создания местоимения третьего лица, 2) нарушения в пределах парадиг-

мы *он-его*, отраженные в памятниках русской письменности, 3) соотношения русского личного местоимения 3-го лица с соответствующими местоимениями в других славянских языках. В данной статье мы лишь касаемся этих вопросов, для полного освещения их нужно более тщательное исследование фактического материала.

Известно, что в индоевропейском языке-основе не было личного местоимения 3-го лица. Общеславянский язык также не имел его. Для указания на предмет речи, не принимающий участия в акте общения, использовались указательные местоимения *и, съ, ть, онъ, овь*. Эти местоимения содержатся уже в древнейших памятниках славянской письменности. Славянские указательные местоимения (каждое из них) имели как морфолого-синтаксические, так и лексико-семантические особенности.

Характеризуя указательные местоимения с семантической стороны, А. Мейе пишет: «Общеславянский язык, как и латинский, обладал тремя указательными местоимениями, позволявшими различать не только приближенный объект («этот») и объект удаленный («тот»), но и объект в отношении к лицу говорящему (лат. *hic*), объект в отношении к лицу, с которым говорят (лат. *iste*), и объект вне отношений с лицами говорящими (лат. *ille*). Эта система в старославянском языке представлена *съ, ть, онъ*; она сохранилась также в сербо-хорватском языке. Разобраться в деталях употребления этих трех указательных местоимений не легко, но их связь с личными местоимениями иллюстрируется сербской формулой: *ево мени, ето теби, ено ньему* «это мне, то тебе, то ему», с тремя указательными наречиями *ево, ето, ено* в соответствии с тремя указательными местоимениями ОВај, Тај, ОНај» [2, с. 353]. Также определяет отношения между этими указательными местоимениями П.С. Кузнецов, добавляя: «Первая степень удаления выражалась местоимением *съ*, вторая степень – местоимением *тъ*, третья степень – местоимением *онъ* (ср. *онъполь* «тот берег» – ясно, что речь идет о чем-то вообще далеком, далеко от говорящего и от собеседника)» [1, с. 134]. В древнейших памятниках письменности славянских языков эта система тройственного противопоставления уже в достаточной степени разрушена. Памятники отражают постепенно усиливающуюся тенденцию к созданию и закреплению системы двойного противопоставления, связанного с указательными местоимениями.

Если при рассмотрении процесса замены в местоимениях указательных системы тройного противопоставления системой двойного противопоставления обратить внимание на то, что уже в древнерусских памятниках местоимения указательные образуют пары *сь–ть* (позже *сесь – той, тот, сей–тот*) и *овь – онь*, то мы должны были бы ожидать сохранения этих пар как противопоставленных по семантике. Местоимение же *и*, обычно не выступавшее при противопоставлении, окажется закономерно обособленным от остальных указательных местоимений. Эта обособленность местоимения и связана, видимо, с его специфическими чертами – анафоричностью и относительностью. Местоимение *и*, указывает А. Мейе, «служит относительным местоимением; оно образует именительный наравне с прочими падежами. Кроме того, в славянском оно имеет анафорическое значение, т. е. служит указанием на лицо или вещь, уже известную или раньше упомянутую; в литовском оно имеет только это значение. Как анафорическое, оно является энклитикой и может присоединяться к прилагательным для указания того, что имя, к которому оно относится, определено: др.-сл. добрый (из добръ-и)» [2, с. 334].

Как же связаны в своем развитии местоимения указательные и личные, в чем смысл создания личного местоимения 3-го лица, которое обычно оказывается в прошлом местоимением указательным?

Указательные местоимения создавались в далеком прошлом, очевидно, как слова со значением выделительно-указательным или противительно-указательным. Они указывали на тот или иной предмет или признак «вообще», только противопоставляя его другому предмету или признаку. Это видно из известной связанности указательных местоимений не только в славянских и индоевропейских, но и в других языках народов мира. Такая противительная связь выработалась в результате необходимости отделить локально предметы речи (или их признаки): ближайший – от более удаленного, тот, о котором собеседники говорили только что (сейчас) – от того, о котором речь шла ранее. В тех случаях (а их было немало), когда отсутствовала необходимость в противопоставлении предмета речи другому предмету речи (или признаку признаку), обобщенное местоименное обозначение предмета речи утрачивало свое выделительно-указательное значение и получало общее указательное значение. Такое местоимение, которое часто использовалось в общем указательном значении, постепенно вовлекалось в систему соотношений с други-

ми местоименными словами, уже не указательными, а личными, и становилось словом, могущим в равной мере прилагаться к любому предмету речи в качестве его особого предельно обобщенного обозначения. Таким путем в древнерусском языке постепенно складываются условия для присоединения к двум имевшимся личным местоимениям (*я, ты*) третьего личного местоимения – местоимения третьего лица.

В процессе создания русского личного местоимения третьего лица произошло (начавшееся еще в дописьменный период) объединение в одну парадигму местоимений *онъ* и *и*. Это объединение происходит, вероятно, вследствие семантической близости того и другого местоимения. Действительно, такая парадигма создавалась, но почему смогли объединиться в одно целое семантически очень далекие слова? Ведь местоимение *онъ* служило для указания на наиболее удаленный предмет, тогда как местоимение *и* указывало на только что названное. Кроме того, в одинаковых ли условиях находились в системе древнерусского языка местоимения *и* и *онъ* и только ли между ними были связи в процессе создания местоимения третьего лица? На все эти вопросы трудно ответить в одной статье. Затронем лишь некоторые из них.

Из всех указательных местоимений древнерусского языка дописьменного периода и периода древнейших памятников письменности лишь одно местоимение и обладало необходимыми для превращения в личное местоимение чертами:

1. оно указывало на лицо или вещь, только что названные,
2. оно не имело непосредственной противопоставленности с каким-либо другим указательным местоимением, а поэтому
3. имело наиболее общее указательное значение.

Эти черты и обусловили не только систематическое соотнесение местоимения и (точнее – всех его падежных форм) с личными местоимениями первого и второго лица, но и использование формы родительного падежа (*его*) с притяжательным значением задолго до окончательного становления личного местоимения третьего лица. Формы местоимения и широко представлены в древнерусских памятниках. Исключение составляет только форма именительного падежа *и, я, е*, которая весьма рано подвергается заменам другими местоимениями, чаще — местоимением *онъ*. Замена эта была вызвана рядом причин, но, главным образом, она находится в связи с невыразительностью родо-

вых форм именительного п. *и, я, е*, неотличавшихся от винительного в м. и ср. ед., в ж. и ср. мн. и совпадавших по своему фонетическому облику с другими союзами (союз *и*, личное местоимение *я*). Второй не менее важной причиной явилось то, что местоимения *и, я, е* вошли в состав местоименных форм прилагательных. Под влиянием же последних и ряд местоимений дал соответствующие новообразования (*онь—оный, съ-сеи, которь который*). Все это потребовало новой формы именительного падежа для местоимения *и*.

Процесс закрепления другого местоименного слова в роли именительного падежа при косвенных падежах от местоимения *и* нельзя рассматривать как механическое отделение одной только формы именительного падежа от какой-то парадигмы. При этом играла роль и семантическая близость других указательных местоимений к местоимению *и*, и развитость (точнее – употребительность) форм косвенных падежей других указательных местоимений. Соотнесенность всех форм местоимения *и* со всеми формами других местоимений следует учитывать при рассмотрении итога, насколько долго в истории русского языка местоимение *и* сохраняло указательное значение.

Рассмотрим те факты, которые содержатся в памятниках нашей письменности.

Прежде всего обращает на себя внимание то, что косвенные формы местоимения *и* в ряде случаев имеют собственно указательное значение: по Ловоти внити в Ылмерь озеро великое, *из него же* озера потечеть Волховь [4]. Ср.: по Волоти воити въ Ильмерь в озеро великое, *из него же* течеть Волховь [3]. При сохранении указательного значения формы местоимения *и* в ряде случаев используются для указания на ближайший предмет речи, а местоимение *тъ* (в различных фонетических и морфологических вариантах) указывает на более удаленное: идеже есть святая церкви Богородица, ю же созда князь Владимир; бе же Варяг из Грек пришел и державше втайне веру христианскую; и бе у *него* сын Иван, красен лицом и душою; и *натого* паде жребие [7]. Но в целом ряде случаев наши памятники отражают употребление форм местоимений *и* и *тъ* не как семантически противопоставленных, а как синонимичных. Об этом говорят примеры из Псковской судной грамоты: Оу которого человека имутся за конь, или за корову, или заиную скотину, чтобы и за собаку, и *тот* молвит: то оу мене своерощеное, ино *ему* правда дати [7]. А которому посаднику сести на посадниство, ино *тому* посаднику крест целовати на том, что *ему* судит право по крестномуцелованию [7].

В смежных текстах при полном конструктивном и семантическом соответствии используются и те и другие местоимения: А кримскому татю и коневому и переветнику и зажигалнику *тем* живота не дати [7]. И в третий раз изличив живота *ему* не дати, крам кромскому татю [7].

Если к этому добавить, что местоимения *сь* и *ть* часто использовались так же как синонимичные, то картина семантических связей между русскими указательными местоимениями окажется достаточно сложной.

Таким образом, в памятниках русской письменности отражается следующее:

1. известная синонимичность между местоимениями *и* и *ть*,
2. некоторая синонимичность между местоимениями *сь* и *ть*,
3. несомненная семантическая соотнесенность между местоимениями *и* и *онь*,
4. сохранение указательного (не личного) значения формами косвенных падежей местоимения *и* (по нашим материалам) до середины XVII века.

Следовательно, нельзя согласиться с тем, что в древнерусском языке уже было личное местоимение третьего лица. Нельзя также считать, что процесс создания парадигмы *он – его* протекал прямолинейно, без дополнительных влияний; во всяком случае, местоимение *ть* (*тот, той*) также играло известную роль в этом процессе.

Можно ли считать случайной связь между косвенными формами местоимения *и* и местоимением *ть* в истории русского языка? На этот вопрос помогает ответить сравнение русских местоимений с местоимениями в других славянских языках.

В современном русском языке исторически создалось и закрепилось личное местоимение третьего лица в результате объединения формы именительного падежа указательного местоимения *онь* и косвенных падежей указательного местоимения *и*, причем новая парадигма постепенно вовлекалась в новую систему соотношений (*я – ты – он*). Подобную же картину мы наблюдаем и в ряде других славянских языков: в белорусском *ён – яго*, в украинском *в\н– його*^б, в чешском *он – jeho*, в польском *он – jego*, в болгарских западных говорах *он – него*. В современном болгарском литературном языке здесь закрепились иная парадигма: *той – него*.

То, что мы видим в болгарском личном местоимении третьего лица, закрепившемся в литературном языке, не представляет собой резкого отклонения от общей нормы. Доказательством этого является система указательных

местоимений в целом ряде славянских языков. В современном болгарском литературном языке на более близкий предмет указывает местоимение *тоя* (*този*), на более отдаленный – *оня* (*онзи*). Следовательно, в процессе создания личного местоимения третьего лица в систему личных включилось указательное местоимение, связанное с обозначением более близкого предмета. О том, что местоимение *тъ* служило для обозначения более близкого, говорят современные указательные местоимения чешского (*ten– onen*), и польского (*ten– tamten, dw*) языков.

В дописьменный и отчасти письменный периоды развития славянских языков местоимение *тъ* в одних языках или их диалектах служило для обозначения более близкого предмета речи (большая часть говоров болгарского языка, отчасти польские, чешские, в какой-то мере древнерусские говоры), в других – для обозначения более удаленного предмета (большая часть русских говоров, западные болгарские говоры). Другими словами, в первом случае более близкими семантически были местоимения *и* и *тъ*, противопоставлявшиеся местоимениям *онъ*, *овъ* (как указывавшим на нечто удаленное), во втором случае более близкими по значению оказывались местоимения *и* и *онъ*, противопоставлявшиеся местоимению *тъ*.

Процесс создания личного местоимения третьего лица совершался, видимо, неравномерно и протекал по-разному в различных славянских языках и их говорах. Однако сложность этого процесса связана не только с диалектной дифференциацией славянских языков и особенностями их исторических судеб [10].

По мнению ученого лингвиста О.Н. Селиверстовой «Основное своеобразие местоименного значения заключается в его несамодостаточности, что связано с делением местоименного значения на два основных слоя: а) задается способ представления актанта ситуации; б) вводится отсылочная ситуация – указание на «адрес» получения сведений, необходимых для характеристики актанта ситуации в соответствии с заданным способом представления...» [6, с. 3]. На процессе создания нового личного местоимения отразилось и то, что старая тройная противопоставленность указательных местоимений, о которой обычно говорят при изучении древнего состояния славянских языков, к началу письменного периода была в значительной степени нарушена. Так было, по крайней мере, в древнерусском языке. Более того, в древнерусском языке не было, видимо, и постоянного двойного противопоставления указа-

тельных местоимений. Для указания на различную близость предметов речи могли использоваться разные указательные местоимения, лишь бы отделить один предмет речи от другого. Об этом говорят наши памятники.

Анализ работы показывает, что «личные местоимения не характеризуют объект на основании присущих ему свойств, не имеют постоянной денотативной соотнесенности. Как знаки особого типа, они несут специфическую информацию: так, местоимение *я* всегда показывает, что актант ситуации представлен как личность, и эта личность тождественна самому говорящему» [5, с. 173].

Таким образом, процесс создания личного местоимения третьего лица в русском языке находился в тесной связи с разрушением древней системы указательных местоимений. В древнерусском языке периода древнейших памятников письменности грани между указательными местоимениями трех степеней удаленности были уже нарушены и в основном сформировалась норма указания лишь на более близкий и более удаленный предмет. В древнерусских памятниках имеет место употребление одного и того же указательного местоимения для указания как на более близкий, так и на более удаленный предмет в разных контекстах. Указательное местоимение *и* (часто с частицей *же*) долго сохраняет свое указательное значение. Это значение сохраняют его формы косвенных падежей, связываемые уже с именительным падежом не местоимений *и*, *онъ*, *тотъ*, а только местоимений *онъ* и *тотъ*. В процессе создания личного местоимения 3-го лица в истории русского языка сыграла ведущую роль та близость в семантике между местоимениями *и* и *онъ*, которая была характерна, видимо, для большей части русских говоров. Однако долгое время (даже в XVI в.) в некоторых русских говорах существовала большая семантическая близость не между *и* и *онъ*, а между *и* и *тотъ*. Это явление имеет параллель в современном болгарском литературном языке.

Создание личного местоимения 3-го лица в русском языке было процессом весьма сложным как в лексико-семантическом, так и в грамматическом отношении. Начало создания личного местоимения 3-го лица в русском языке связано с периодом дописьменным, а возможно – общеславянским, свидетельством чего является общность результата не только в восточных, но и в большей части всех славянских языков. Однако в русском языке окончание процесса создания местоимения 3-го лица нельзя, види-

мо, относить к периоду ранее XVII в. Это требует, конечно, тщательной проверки на более широком фактическом материале. Можно предположить, что становление личного местоимения 3-го лица в русском языке находится в определенной связи с эволюцией видовременной системы русского глагола, в частности в связи с закреплением одной формы прошедшего времени, не имеющей личных окончаний.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Кузнецов П.С.* Историческая грамматика русского языка. М. 1953.
2. *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М. 1938.
3. Московский летописный свод. М., 1949.
4. Повесть временных лет. Санкт-Петербург. 2012.
5. *Резникова Е.В.* Личные местоимения: к вопросу об объеме понятия // Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 1.
6. *Селиверстова О. Н.* Местоимения в языке и речи. М., 1988.
7. Устюжский летописный свод. М., 1950.
8. *Черных П.Я.* Историческая грамматика русского языка. М. 1954.
9. *Якубинский Л.П.* История древнерусского языка. М. 1953.
10. *Ilyasova R.* Language personality in the context of interaction of language and culture // Научный альманах стран Причерноморья. 2018. № 4 (16). С. 32-36. [Электронный ресурс] URL: <http://science-almanac.ru>

R E F E R E N C E S

1. *Kuznetsov P.S.* Historical grammar of the Russian language. M. 1953.
2. *Meye A.* Introduction to the comparative study of Indo-European languages. M. 1938.
3. Moscow chronicles. M., 1949.
4. The story of temporary years. St. Petersburg. 2012.

5. *Reznikova E.V.* Personal pronouns: to the question of the scope of the concept // The Humanities and social sciences. 2012. No. 1.
6. *Seliverstova O. N.* Pronouns in language and speech. M., 1988.
7. Ustyug chronicles. M., 1950.
8. *Chernykh P.Ya.* Historical grammar of the Russian language. M. 1954.
9. *Yakubinsky L.P.* History of the Old Russian language. M. 1953.
10. *Ilyasova R.* Language personality in the context of interaction of language and culture // Science Almanac of the Black Sea region countries. 2018. No. 4 (16). P. 32-36. [Electronic resource] URL: <http://science-almanac.ru>

30 сентября 2019 г.
